

Секция «Лингвистика: Когнитивные и лингвокультурные аспекты иноязычной коммуникации»

Народ народу волк, или проявления ксенофобии в микро- и макроконтестах
Грецакая Софья Сергеевна

Кандидат наук

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия

E-mail: gnole_fungle@mail.ru

Одной из аксиом современной лингвистики стало положение о том, что «выход за рамки читательского тезауруса (в том числе культурного и языкового) может оказаться серьёзной помехой в восприятии и воздействии предлагаемого текста» [4: 125]. Это утверждение не менее справедливо и в отношении дискурса как «связного текста в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1], как «завершенного или продолжающегося «продукта» коммуникативного действия, <...> который интерпретируется реципиентами» [5]. Иными словами, при порождении дискурса для адекватного его понимания автору необходимо актуализировать максимальное количество «общих точек» для него и реципиента, что не противоречит индивидуальности производимого дискурса, ведь «индивидуальность знания отдельного человека заключается не столько в их исключительности и неповторимости, сколько в индивидуальном характере количественного и содержательного показателей уровня усвоения коллективного знания, плюс его индивидуальная оценка и интерпретация» [2: 17].

Предлагаемая статья посвящена изучению места ксенофобии как неприятия чужих (представителей иной религии, этнической группы, расы и т.п., а также Чужого вообще [6]) в контекстах, под которыми мы понимаем особые ментальные модели человеческого опыта, хранящиеся в эпизодической памяти участников общения, фиксирующие наиболее значимые для них аспекты и составляющие конкретного коммуникативного события и определяющие как производство, так и понимание дискурса [см. 3, 10]. Цель работы - продемонстрировать непереносимость проявлений ксенофобии при порождении дискурса не только для культурной ингруппы, но даже для аутгруппы и, как следствие, убедиться в том, что ксенофобия является неотъемлемым элементом контекстной модели автора дискурса.

Материалом послужили роман «Больше Бэна или Русский сюрприз для Королевы Мамы» (2001 г.) С. Сакина и П. Тетерского [7], а также его экранизация британским режиссером С. Хэйлвуд "Bigga than Ben" (2008 г.) [9]. С одной стороны, перед исследователем предстает принявшая вид сбивчивых дневниковых записей история двух молодых людей из России, отправившихся в порыве юношеского максимализма за острыми впечатлениями в Лондон в октябре 1999 года, людей, которые описывают себя как бунтарей, «детей, свободных в большом городе взрослых» [7]. С другой, - рассчитанный, безусловно, на более широкую аудиторию в силу своей мультимодальности и основного языка озвучивания (английского) кинопродукт, который предлагает несколько адаптированную версию происходящего в романе. Прежде чем комментировать обнаруженные примеры проявления ксенофобии в дискурсивном пространстве обоих произведений, необходимо отметить, что первое позиционируется русскими адресантами как откровение, своего рода крик души оказавшихся на чужой земле представителей своеобразного меньшинства, «сложноописуемого социума» [7] внутри своей культуры, а второе, созданное в лоне этой самой чужой земли, - как этнорелятивистская попытка показать, «что Лондон, как Москва, и как любой большой город, грабит приезжих, а не они его» [8]; его автор в интервью заявляет:

«мне было интересно проследить за судьбами этих двух молодых людей, которые сначала пытались жить по правилам, потом попытались эти правила нарушить, ограбить Лондон, и что из этого получилось. Но это просто так получилось, что эти герои русские, я вовсе не думаю, что все русские мошенники» [8].

В связи с вышеизложенным не вызывает удивления обилие в романе «Больше Бэна» не только специфической лексики - сленга «подонков» («персонажей положительных!» с «долей здорового авантюризма и раздолбайства», не желающих «походить на середнячков-имбецилов», «активно приобщающихся к сокровищам мировой культуры» [7] и т.п.), к которым себя причисляют авторы дискурса, но и ярких примеров негативизации представителей других культур. Выказываются неприязненное отношение и даже агрессия как к населению Великобритании: собственно «карнегианцам» («роботы», «киборги» [7]), различным этническим меньшинствам государства (пакистанцам («паки» [7]) и вообще любым народам, исповедующим ислам («чурки»), афробританцам («ниггеры», «маупы», «макаки» [7] и т.п.), - так и к носителям любых иных культур: украинцам, армянам, представителям прибалтийских народов, французам, итальянцам и т.д. Отдельного упоминания заслуживают комментарии героев относительно членов ингруппы - русских: они варьируются от панегирических («таинственность русской души заключается в самом факте ее наличия. То место, которое у среднестатистического россиянина занимает душа, у среднестатистического кокни занимает небольшой калькулятор по подсчету зарплаты, в крайнем случае - турнирная таблица Кубка УЕФА [7]) до резко негативных («русские бы гадили так же», «обратно в Мытищи, простите, в Баркинг» [7]). Сами герои, имеющие высшее гуманитарное образование, признаются: «в Москве мы были расистами» [7]. В связи с их многочисленными выпадами в адрес Чужих, представляет особый интерес следующее замечание героев-адресантов: «отношение подонков к людям колеблется от ультраненависти скинхэда до сострадания в стиле Матери Терезы, свое отношение к людям подонки формируют в результате физиогномических выводов и невербального общения» [7]. Это положение дел объясняет, почему редкая трансформация мнения персонажей о Чужих в положительную сторону оказывается обусловлена не формальным сходством культур, а близостью духа и общностью мировоззрения: «Мои недоумение и восторг, видимо, чересчур явственно отражаются в моих глазах, и Тони объясняет свое поведение, идущее перпендикулярно поведению 99% британского населения. «I'm black & I'm from Jamaica» - такое вот объяснение. Меня оно устраивает» [7].

В свою очередь в кинопроизведении "Bigga than Ben", автор которого настаивает на том, что «большинство людей приезжает вовсе не для того, чтобы ограбить лондонцев, а просто для того, чтобы найти работу и зарабатывать более или менее приличные деньги» [8], ксенофобия, присущая доминирующей культуре, так же обнаруживается, причем весьма специфическим образом. Только один раз на протяжении всего экранного времени представительница «карнегианцев» преклонного возраста из малоизвестного городка прямым текстом заявляет о том, что англичан не устраивает наплыв беженцев. В 90% случаев этноцентрические замечания принадлежат представителям других этнических групп граждан Великобритании: это афробританцы, работающие в банке и центре помощи бездомным ("I'm afraid this hostel is just for British people. <...> If you go to the Committee for Refugees and seek asylum, then you can get a free blanket. <...> Charity begins at home." [9]); ирландец, который нечленораздельно говорит по-английски и недоумевает, как можно приезжать в чужую страну без знания языка; пакистанка, также предлагающая героям временную работу: "Why do they always send Eastern Europeans?" [9] и др. Примечательно то, что в оригинальной истории во всех инстанциях, с которыми пришлось взаимодействовать героям, над этими персонажами или вместо них обязательно фигурировал

англичанин-«белый воротничок». Сами же "pieces of Moscow scum" [9] (у которых в качестве рингтонов на мобильных телефонах установлены гимн РФ и «Калинка», а не произведения Моцарта и Бизе оригинальных «подонков», читающих битников и беседующих о творчестве Довлатова и Веллера) обретают друзей в лице носителей других культур не столько благодаря своевременной помощи и общности взглядов на жизнь, сколько из-за совместно употребляемого алкоголя и наркотиков.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило непреложное присутствие ксенофобии в контекстных моделях авторов дискурсов, рассчитанных как на представителей ингруппы, так и, что может показаться парадоксальным, на представителей аутгруппы, даже несмотря на интенцию адресанта во втором случае нивелировать свойственный Своим этноцентризм.

Источники и литература

- 1) Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- 2) Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- 3) ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М., 2013.
- 4) Луканина М.В. Газетный текст через призму теории коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 123-133.
- 5) ван Дейк Т. А. К определению дискурса. Пер. с англ. А. Дерябина. 1999 [Электронный ресурс] // PSyberLink. Психологическая сеть российского Интернета. Режим доступа: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
- 6) Кон И.С. Ксенофобия [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/KSENOFOBIYA.html?page=
- 7) Сакин С., Тетерский П. Больше Бэна [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.Com. 2010-2016. Режим доступа: http://royallib.com/read/sakin_sergey/bolshe_bena.html#0.
- 8) Экватор ММКФ / Новости 24 июня 2008 // 11:15 [Электронный ресурс] 30-й Московский Международный кинофестиваль 2009. Режим доступа: <http://www.moscowfilmfestival.ru/30/news/detail/107/>.
- 9) Bigga than Ben [Электронный ресурс] // IMDb.com. Режим доступа: <http://www.imdb.com/title/tt0831275/>.
- 10) van Dijk T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. Cambridge, 2008.